

СУД СОВЕСТИ

О поэме Егора Исаева «Убил охотник журавля»

НЕ СРАЗУ, но постепенно мы начинаем осознавать, что наше время — особое: к нему, как, может быть, ни к какому другому, следует приложить эпитет ответственное. В силу ряда причин получилось так, что оно как бы сконцентрировало в себе узловые и неотложные проблемы бытия. Эти коренные вопросы — о смысле жизни, о назначении человека — из области умозрительной философии стремительно переместились в сферу непосредственной практической нашей деятельности, а это решительным образом повлияло на сознание и чувства людей. Иногда создается ощущение, что мы как будто сдаем экзамен на проверку жизнеспособности высоких идеалов, которые выработало человечество. Естественно, что в минуты таких испытаний и внутреннего напряжения внимание становится избирательным, оно сосредотачивается на том, что может помочь выдержать экзамен.

Сейчас много говорят и пишут о повсеместном упадке интереса к поэзии: сборники стихов затовариваются, их тиражи резко сокращаются. Интерес действительно падает и будет падать, но к какой поэзии? К той, которая так или иначе уклоняется от нынешнего сурового и обязательного для всех людей экзамена, которая, как бы впадая в некий самогипноз, уходит подчас целиком в орнамент с затейливыми метафорическими завитушками, в плетение словесных кружев. Споры нет — кружева могут быть сплетены искусно, а орнамент может поражать неожиданной и причудливой резьбой, но согласитесь: все это не только надоело, но и безнадежно устарело, ибо является вчерашним и даже позавчерашним днем поэзии.

Но, с другой стороны, смею уверить, что интерес к поэзии растет и будет расти еще больше, к той поэзии, которая мужественно, с полной мобилизацией внутренних сил и резервов встречает небывалый экзамен современности. Она не будет прибегать к помощи сомнительных шаргалок, поддерживающих прямолинейные сентенции и риторические поучения, а будет стараться проникнуть в глубину и суть вопроса, дабы помочь себе и другим. В наше ответственное время поэзия, как никогда, ответственна за свои слова, ибо они — и в этом характерная черта переживаемого нами периода — незамедлительно должны превращаться в поступки.

Особенностью творчества Егора Исаева, изначальной и существенной особенностью (и это еще раз подтверждает его новая поэма «Убил охотник журавля», совсем недавно опубликованная в «Правде»), является бескомпромиссно высокий уровень разговора о самом кардинальном, самом настоящем в жизни людей. Собственно, его мысль постоянно возвращается к главной проблеме, завещанной нам русской классической литературой, — проблеме войны и мира (мира, понимаемого широко, не только как противостояние войне, но и как Земля, как Вселенная). Поэзия Исаева подкупает сердца читателей и своей

масштабностью (он общепризнанный мастер эпического жанра, который новаторски освоил с учетом требований современности), и своей конкретностью, ибо к общему он восходит от частного, исторический процесс раскрывает через биографию отдельного человека, через свой непосредственный личный опыт (отсюда густая лирическая окраска повествования, что, кстати, лишней раз доказывает условность нашего деления на эпическое и лирическое начала: в подлинном художественном произведении эти начала слиты воедино).

Как и в своей знаменитой дилогии «Даль памяти», так и в поэмах «Двадцать пятый час», «Мои осенние поля» и в новой — «Убил охотник журавля» Егор Исаев каждый раз по-новому вникает в уроки Великой Отечественной войны. Он обращается к теме войны не только потому, что память о ней священна. Это само собой разумеется и понятно без особых слов. Но память Великой Отечественной — не только прошлое, озаренное пороховыми вспышками салютов, не только монументы и обелиски. Память Великой Отечественной — неотъемлемая и живая часть нашего современного бытия. Почему? Да потому, что победа в Великой Отечественной, как наглядно доказывает истекшее сорокалетие, создала реальные предпосылки для того, чтобы больше не было войны на земле. В этом — главный духовный смысл величайшего, переломного события в мировой истории, который нам предстоит еще осознать и постичь.

Непрост процесс этого постижения. Он осложняется тем, что над миром нависли зловещие тени ракет, начиненных термоядерными боеголовками. Впервые за всю обозримую историю совершенно реально встал вопрос: быть или не быть нашей цивилизации, быть или не быть человечеству? По существу, мы оказались участниками глобальной битвы, целью которой является отстоять саму возможность существования человечества.

Но драматизм современной ситуации заключается не только в этой термоядерной угрозе. Ныне стали отчетливо выявляться наряду с положительными и негативные аспекты стремительного и бурного развития современности. Все с большей тревогой мы начинаем ощущать, какой горечью пропитаны плоды бездумного отношения к природе. К этому следует присовокупить, что буржуазный мир, который с нами соседствует, повел массивную атаку на человека и на все человеческое в нем при помощи циничной, иссушающей душу философии потребительства и вещизма, при помощи столь же бездуховной, культивирующей низменные инстинкты «массовой культуры». Стало подвергаться сомнению и осмеянию все то, что делает человека человеком: его честь, порядочность, правдивость, совесть, способность к самопожертвованию. Так обрисовались контуры новой зловещей опасности: быть или не быть человеку с его духовно-нравственными завоеваниями, обретенными в результате многовековых усилий и внутренне-

го направленного поиска. Так обозначилась необходимость борьбы на два фронта: и за то, чтобы быть человечеству, и за то, чтобы быть человеку как таковому. Вот этой битве за человека и его человеческое достоинство и посвящена поэма Егора Исаева «Убил охотник журавля».

Сюжет поэмы, если не касаться психологических граней конфликта, пересказать легко. Охотник выстрелил в журавлиный косяк, низко летящий над землей. Выстрелил столь «удачно», что подбил вожака стаи. Убил он журавля не потому, что к этому вынуждали какие-то обстоятельства, а просто так, из куража, находясь под воздействием винных паров.

Так кто же этот убийца? Браконьер? Тунеядец? Пьяница? Словом, как принято говорить, отрицательный персонаж? Нет. В том-то и дело, что нет. В том-то и дело, что это человек заслуженный и уважаемый: бывший фронтовик, труженик, хлебопашец. Как и по каким законам можно судить такого человека? Кто возьмется стать его судьей? Прицельный взгляд художника находит судью, точно отвечающего ситуации. Им становится сам убийца, осознавший нелепость и тяжесть своего поступка.

«Судом памяти» назвал свою военную поэму Егор Исаев. Судом совести можно назвать его поэму «Убил охотник журавля». Разговор в ней идет от первого лица; она строится как монолог, как своеобразная исповедь, где в одном лице соединились и обвинитель, и обвиняемый.

В этой исповеди все укрупнено, все поднято на глобальную высоту. Страницы простой человеческой биографии неразрывны с историческими событиями эпохи. Вот как вспоминает герой поэмы о забываемом прошлом:

Кто всем числом
ушел на фронт,
Как тот райком?
А наш мужской,
колючий род —
Весь целиком,
В семнадцать лет
и в пятьдесят,
Минуя бронь...

А его раскаяние в содеянном, нравственные муки исполнены подлинной трагедийной силы. Ведь журавль, журавушка, журка пользовался и пользуется особой любовью русского народа. Ведь о нем, о журавле, столько сложено песен, столько написано стихов! Он неотделим от российских пейзажей, в известном смысле он — символ России. В самой поэме он получает такую возвышенную характеристику:

Артист, конечно, соловей,
А он, журавль,
Трубака!
Он клиннет с высоты,
С манушки дня, —
И вдруг почудится, что ты
Саояк,
Родня
Всему, что есть.

Вот почему, представ перед судом своей совести, убийца журавля так обостренно воспринимает всю степень неизгладимой своей вины:

А я ударил по нему.
Ведь надо ж так, —
Себе ж, выходит, самому
Первейший враг.

Вот почему из небытия, опять-таки как укор совести, возникает брат Иван с кубиками в петлицах (значит, погиб где-то в начале войны): «Ты что же, брат, в своих-то бьешь... Ты что, фашист?..»

Надо сказать, что образ брата Ивана, «посмертно молодого», несет в поэме двойную психологическую нагрузку. С одной стороны, он является олицетворением вечной чистоты и вечной устремленности солдат Великой Отечественной войны. С другой — он как бы символизирует собой единство человека со всем живущим на земле.

Потрясенный реальностью видения брата, герой поэмы кидается за ним во двор, на денник. А тут:

Гляжу, а он уж недвижим,
Мой журка — брат...

По ассоциации эта сцена вызывает в моей памяти шемящие строчки Сергея Есенина о «братьях наших меньших» — о зверях, которых он, по его признанию, «никогда не бил по голове».

Еще в прошлом столетии стало общим расхожим местом утверждение, что человек — царь природы. Если это так, то, пожалуй, надо признать, что царем он оказался скверным. Ведь о чем он хлопотет в последнее время? О защите природы? И от кого же? От самого себя!

Поэтому так уместно трезве, лишенное эйфории высокопарной риторики напоминание, звучащее в финале поэмы:

Не царь природы человек,
Не царь, а сын.

Сокровенный смысл поэмы, посвященной, как я уже говорил, битве за человека и человеческое достоинство, на мой взгляд, состоит в том, что автор как бы выстраивает опорные мачты для передачи тона высокого духовного напряжения. Эти мачты можно определить такими словами, как память земли, память истории, память войны, наконец, как внутренняя память, неотделимая от чувства личной ответственности за все, что ни есть на земле.

Но, как мы знаем, бой можно выиграть лишь тогда, когда из оборонительного он превращается в наступательный. В данном случае это означает, что наша задача заключается не только в том, чтобы спасти и отстоять нравственные качества человека, но и в том, чтобы поднять их на еще большую высоту. Как это сделать? В чем залог победы? Ответ — в убежденно-утверждающем пафосе поэмы, и прежде всего, пожалуй, в строчках о смертельно раненном журавле. Истекая кровью, он находит в себе силы трижды протрубить своим товарищам, давая им сигнал и приказ:

Лететь —
Держать все тот же курс
По той звезде,
И землю нашу,
Нашу Русь,
Всегда,
Везде
Любить...

Валентин СИДОРОВ